

К.А. Жанабаев *, **А.Ш. Тургенбаева**

Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

*e-mail: ovlur1963@mail.ru

ЧОКАН ВАЛИХАНОВ И УСТНАЯ ТЕОРИЯ ИСКУССТВА СЛОВА

Статья посвящена памяти Ч.Ч. Валиханова и актуальным проблемам устной теории – объекту современной межкультурной коммуникации. Поднимаются вопросы стиля и жанра устного высказывания, устно-стилевой техники и искусства слова, необходимых для изучающих теорию жанра и искусство публицистики. Основная цель статьи – выявить актуальность идей ученого в свете устной теории Пэрри-Лорда ведущих американских исследователей, которая исходит из природы не только жанровых форм казахского фольклора, но и функционально связанных с ней стилистики и искусства слова. Методологическая ценность как исследования, так и трудов ученого выявляется в анализе устных жанровых форм фольклора, стилистики и искусства слова и с учетом основного метода Ч.Ч. Валиханова, его взгляда «изнутри самой традиции». Такая методология учитывает и компаративистику, и сравнительно-исторический, и типологический, и системный методы и метод анализа. Основным выводом статьи является то, что первый казахский фольклорист Ч.Ч. Валиханов стоит у истоков публицистики, выступает как мастер очерка. Его «Заметки...», «Записки...», «Очерки...» требуют более пристального прочтения: он предвидел многие направления современной устной теории и мировой фольклористики. Эти провидческие идеи зиждились на ясном осознании им уникальной ценности многовекового Степного знания, значимой частью которого был великий устный эпос и фольклор тюрок Северного Кавказа, Южной Сибири, Средней и Центральной Азии. Единая в своем развитии, целостная степная традиция искусства слова впервые предстала в его трудах во всем ее жанрово-видовом многообразии. Такой целостный историко-этнографический подход к анализу фольклора и искусства слова тюркских народов имеет практическое и методологическое значение как для устной теории, так и для мирового эпосоведения.

Ключевые слова: жанр, устная теория Пэрри-Лорда, традиция, формульный стиль, искусство слова, Степное знание, жанровая форма.

K.A. Zhanabayev*, A. Sh. Turgenbayeva

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

*e-mail: ovlur1963@mail.ru

Chokanvalikhanov and Oral Theory of Word Art

The article is devoted to the memory of Ch. Ch. Valikhanov and topical problems of oral theory—the object of modern intercultural communication. It raises questions about the style and genre of oral utterance, oral and stylistic techniques and the art of speech, which are necessary for students of genre theory and the art of journalism. The main purpose of the article is to identify the relevance of the scientist's ideas in the light of the oral theory of Parry-Lord—the leading American researchers, which comes from the nature of not only genre forms of Kazakh folklore, but also functionally related stylistics and art of speech. The methodological value of both the research and the works of the scientist is revealed in the analysis of oral genre forms of folklore, stylistics and art of speech and taking into account the main method of Ch. Ch. Valikhanov, his view “from within the tradition itself”. This methodology takes into account the comparative studies and comparative-historical and typological, and the systemic methods and method of analysis. The main conclusion of the article is that the first Kazakh folklorist, Ch. Ch. Valikhanov is at the origins of journalism, acts as a master of the essay. His “Notes...”, “Notes...”, “Essays...” require a closer reading: he foresaw many directions of modern oral theory and world folklore. These visionary ideas were based on his clear awareness of the unique value of centuries-old Steppe knowledge, an important part of which was the great oral epic and folklore of the Turks of the North Caucasus, Southern Siberia, Central and Central Asia. unified in its development, the integral steppe tradition of the art of speech first appeared in his works in all its genre and species diversity. such a holistic historical and ethnographic approach to the analysis of folklore and the art of speech of the turkic peoples has practical and methodological significance for both oral theory and world epic studies.

Key words: genre, parry-lord oral theory, tradition, formula style, word art, steppe knowledge, genre form.

Қ.А. Жаңабаев*, А.Ш. Түргенбаева

Әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.

*e-mail: ovlur1963@mail.ru

Шоқан Уәлиханов және сөз өнерінің ауызша теориясы

Мақала Ш.Ш. Уәлихановты еске алуға және қазіргі мәдениетаралық коммуникация объектісі – ауызекі тіл теориясының өзекті мәселелеріне арналған. Онда жанр теориясы мен журналистика өнерін зерттейтін студенттерге қажет ауызша сөйлеу стилі мен жанры, ауызша-стилистикалық әдістер мен сөз өнері туралы мәселелері көтеріледі. Мақаланың негізгі мақсаты – қазақ ауыз әдебиетінің тек жанрлық формаларының табиғатынан ғана емес, сонымен қатар онымен функционалды байланысты стилистика мен сөз өнерінің табиғатынан бастау алатын америкалық жетекші зерттеушілердің – Парри-Лордтың ауызша теориясы аясында ғалым идеяларының өзектілігін анықтау. Зерттеудің де, ғалымның еңбектерінің де әдіснамалық құндылығы фольклордың ауызша жанрлық формаларын, сөз стилистикасы мен өнерін талдауда және Ш.Ш. Уәлихановтың негізгі әдісін, оның «дәстүр ішіндегі» көзқарасын ескере отырып анықталады. Бұл әдістеме салыстырмалы зерттеулерді, салыстырмалы-тарихи-типологиялық, жүйелік әдістерді және талдау әдісін ескереді.

Мақаланың негізгі тұжырымы – тұңғыш қазақ фольклоршысы Ш.Ш. Уәлиханов журналистиканың бастауында, очерк шебері ретінде айтылады. Оның «Жазбаларын...», «Ескертулерін...», «Очерктерін...» терең зерттеуді қажет етеді: ол қазіргі ауызша теория мен әлемдік фольклордың көптеген бағыттарын алдын ала болжаған. Бұл көрегендік идеялар оның көпғасырлық Дала білімінің бірегей құндылығын айқын сезінуіне негізделді, оның маңызды бөлігі Солтүстік Кавказ, Оңтүстік Сібір, Қазақстан және Орта Азия түріктерінің ұлы ауызша эпосы мен фольклоры болды. Сөз өнерінің біртұтас, біртұтас Дала дәстүрі алғаш рет оның шығармаларында өзінің барлық жанрлық және түрлік әртүрлілігінде пайда болды. Түркі халықтарының фольклоры мен сөз өнерін талдауға деген осындай біртұтас тарихи-этнографиялық көзқарас ауызша теория үшін де, әлемдік эпосты зерттеу үшін де практикалық және әдіснамалық маңызға ие.

Түйін сөздер: жанр, Пэрри-Лордтың ауызша теориясы, дәстүр, формулалық стиль, ауызша өнер, Дала білімі, жанрлық форма.

Введение

Общая характеристика. Из ориенталистов XIX века, изучавших Степь, он один в то время верно оценил красоту и уникальное богатство древней культуры кочевья и через известные в то время науке закономерности выявил общие пути развития эпической традиции, забытой к Новому времени европейскими народами. Он предугадал многие направления тюркской и мировой современной фольклористики.

Но *провидческие* идеи ученого зиждились на прочном основании, на Степном знании, частью которого был устный многовековой эпос тюрков Северного Кавказа, Средней, Центральной Азии и Южной Сибири. Он ясно осознавал древнейшие истоки тюркского языка и эпоса. Единая в своем развитии, устная традиция тюркских кочевников впервые предстала в трудах ученого не только во всем ее жанрово-видовом богатстве и структурном своеобразии, но и «изнутри традиции» и при блестящем использовании им передовых научных методов востоковедения. Такой метод – «взгляд изнутри традиции» – имеет важное и перспективное

значение для фольклористики, эпосоведения, искусства слова.

Сегодня в мировой фольклористике господствуют основные теории происхождения эпоса. Все они представлены в книге Е.М. Мелетинского «Происхождение героического эпоса». Е.М. Мелетинский подробно описал школы, перечислил основных представителей этих школ: исторической (К. и М. Чедвики); неомифологической – английской (Ф. Рэглэн), голландской (Ян де Фриз), французской (Ш. Отран, Э. Миро, Ж. Дюмезиль). Среди теорий, подверженных тщательному разбору российского ученого, есть и устная теория американских исследователей XX века М. Пэрри и А. Б. Лорда, которая, несмотря на критику разных национальных школ фольклористики и эпосоведения, все же не утратила своей продуктивности и методологической ценности. Для нашего исследования важен именно тот пункт критики, где Е.М. Мелетинский отмечает, что даже А. Лорд, выводящий «поэтический стиль из поэтической техники устного творчества, не сомневается в мифологическом происхождении содержания эпических формул» (Мелетинский, 1963:12). Но мы не сомневаемся, что М. Пэрри

и А. Лорд находятся на верном пути: традиционный язык и стиль казахского устного эпоса, его поэтические формы полнокровно живут своими древними формулами и формульными сочетаниями – основным средством устно-стилевой техники, восходящей, на наш взгляд, к начальным основаниям эпоса, к явлениям суггестивного порядка: архаическому мифу, обряду и ритуалу. Здесь уместно упомянуть и мнение исследователя Б.Ш. Абылкасимова, заметившего, что в науке «усилился интерес к изучению проблем, связанных с повторами, а именно, с такими особенностями повтора, как формульность, устойчивость позиции слов, устойчивость стилистических блоков» (Абылкасимов, 1984:71).

В нашем исследовании также необходим метод Парри-Лорда, поскольку мы изучаем формульный стиль и устно-стилевую технику в поэзии жырау XV-XVIII веков. Нас интересует эпическая формула, ее функционирование, ее воссоздание в жесткой метрической схеме *жыра*, и самое основное, тот закон, согласно которому, будучи «основной структурной единицей устного текста», формула всегда и неизменно имеет свое постоянное положение, выступая в форме самых разнообразных устойчивых лексических единиц» (Жанабаев, Акберды, 2017: 4).

Что касается книги «Сказитель» А.Б. Лорда: в ней изложены основные положения устной теории, и, по словам авторов Предисловия, она давно уже стала классической. Но ни этой книги, на самой устной теории казахский ученый века XIX века не мог знать. К этим границам сама американская фольклористика вышла только в первой половине XX века. Но в силу глубокого знания и понимания специфики степного певческого искусства Ч.Ч. Валиханов выдвинул целый ряд идей, важных для устной теории, исследующей искусство слова. Важно и то, что казахский исследователь находился в самой сердцевине исполнительского процесса, знал его изнутри, изначально и непосредственно как практик-фольклорист. Он впервые записал из уст кочевых певцов известные эпосы, представил основные образцы жанров устного творчества казахов XIX века, подробно описал их формы, цели и практику исполнения.

Российские ученые конца XIX – начала XX века отмечали многогранный талант Ч.Ч. Валиханова, его вклад в науку, особое значение для востоковедения. Они «единогласно признали в лице его феноменальное явление и ожидали от него великих и важных откровений о судьбе

тюркских народов» (Веселовский, <https://znaniya.com/task/31293246>).

Хорошо зная греческую традицию, он в статье касается и гомеровского эпоса, выявляя общие закономерности устной практики певцов-сказителей. В них он освещал вопросы авторства и исполнительства, происхождения эпоса и его историзма, ритуально-мифологических истоков эпоса и лирики, других актуальных аспектов гомероведения. Книга же «The Singer of Tales» и сейчас не утратила своих конструктивных идей, и как отметили авторы Предисловия, чрезвычайно важна для изучения эпических традиций, как западных, так и восточных. Основным объектом наблюдений М. Пэрри и А.Б. Лорда стали устно-стилевая техника и формульный стиль. Стереотипность эпического стиля, в частности эпоса Гомера, они объясняли «специфическим механизмом» сложения песен, запоминанием их певцом (Предисловие, https://vk.com/wall209887955_2131). Нам эта теория так же чрезвычайно интересна и полезна, поскольку формулы и формульные выражения были обнаружены не только в западноевропейских эпосах, но и в русских былинах, и в кыргызском эпосе «Манас» и в казахских сказках. Особо интересен формульный стиль устных речений казахских XV-XVIII жырау веков, использующих *жыр* как традиционную форму героических сказаний и как форму философских и назидательно-дидактических песен (толгау). Культуролог А.Б. Наурзбаева отмечает, что феномен жырау «вызывает интерес исследователей из различных научных сфер в силу своей сложной природы и свойственной полифункциональности» и различные дисциплины осмысливали этот объект с позиции своих методологических оснований (Наурзбаева, 2017: 279).

Актуальность исследования. 1. Высоко оценивая опыт предшественников, как П. Палласа, Н. Рычкова, И. Георги и других исследователей, Ч.Ч. Валиханов впервые подходит к словесному искусству тюркоязычных народов не только как к источнику истории и этнографии, но как к источнику фольклористики, эпосоведения, филологии, как к исключительной эстетической и духовной ценности тюрков. Так, говоря о ногайском эпосе, ученый замечает: «Ногайские предания относятся к концу XIV, к XV и XVI векам. Предания эти имеют эпический характер и поются рифмованными стихами и потому принадлежат к области народной, устной литературы. Они замечательны, как выражения народного духа, понятий, обычаев, нравов, образа

жизни, замечательны также в филологическом отношении и не лишены исторического интереса» (Валиханов, 1986: 287).

2. Сегодня в науке также актуальна ностратическая, более широкого значения, теория языков и культур, поиск общих древних истоков праязыка. Родиной предполагается Центральная Азия, Урало-Алтайский культурно-языковой субстрат. Взгляд на эпическую культуру «изнутри традиции», знание тюркских и европейских языков, первоклассная подготовка, вывели казахского ученого к новейшему в то время методу, компаративизму. Так, в «Очерках Джунгарии» автор пишет, что он «был поражен тождественностью их мотивов с мотивами произведений этого рода народов европейских, особенно славян...» (Валиханов, 1986: 273). Выявляя тождественность мотивов казахских, кыргызских, монгольских, западноевропейских и славянских эпосов, ученый был близок к немецкой мифологической школе с ее поиском общей родины языка, мифа и эпоса. Эта теория получила свое частичное отражение в трудах последующих казахских фольклористов и тюркологов: А.Х. Маргулана, А.С. Аманжолова, Е.Д. Турсунова и особенно С. Кондыбая и т.д.

3. Применительно к устной теории Пэрри-Лорда поясним: центральным пунктом, вокруг которого сконцентрированы все теоретические вопросы казахского эпосоведения, является *жыр*, или *джир*, как его называет по-старому Ч.Ч. Валиханов, эпическая песнь, с древности исполнявшаяся под кобыз в форме речетатива. Исполнявший ее певец именовался жырау, а песнь названа так по форме *жыра* (стих из 7-8 слогов). Ценные наблюдения Ч.Ч. Валиханова над поэтической структурой жыра сегодня отвечают на вопросы генезиса, формирования и специфики словесно-музыкальной культуры, на исполнительскую природу сказителей, на многие аспекты, интересовавшие американских исследователей М. Пэрри и А.Б. Лорда, в особенности: как певец слагает и как усваивает, как передает свою песнь (Лорд, https://vk.com/wall209887955_2131). Исследуя эту стиховую форму и эпический жанр, мы уверены, что жыр – код, свернутый текст многовекового Степного знания, сохранивший структуру древнего поэтического мышления, восходящую к архаическому мифу, обряду и ритуалу, что он – источник для других жанровых форм как эпического, так и лиро-эпического порядка (например, мақтау, арнау, есиет, жоқтау и т.д.). Ч.Ч. Валиханов в «Формах казахской народной поэзии» отметил эту, проис-

ходящую в его время жанровую трансформацию: «джилав обыкновенно изобретается женщинами и очень часто импровизируется. Размер употребляется тот же, как и в *джире*» (Валиханов, 1986: 238). И приводит примеры известных *джилаво*. **Цель и объект исследования.** Такой «взгляд изнутри самой традиции», целостный взгляд ученого на поэтический язык, на историю актуализировал и цель исследования: выявить новизну, востребованность и продуктивность научных идей казахского ученого XIX века в свете современной устной теории Пэрри-Лорда, к которой сегодня обращено внимание многих фольклористов мира. Ч.Ч. Валиханов исходил из примата устойчивых древних форм народной поэзии как непреходящей ценности. Он зафиксировал важнейшие исторические изменения в жанровой структуре эпоса и фольклора XIX века. Так, анализируя статью «О жанровых формах казахской народной поэзии», С. Негимов выявил ее основное достоинство – последовательный историзм: «Примечательно, что автор со свойственной ему методологической чуткостью впервые обратил внимание на историческую обусловленность жанрового, рифмического и содержательного оформления традиционного стихотворного наследия кочевников» (Негимов С. <https://cyberleninka.ru/article/n/folklornye-materialy-v-tvorchestve-ch-ch-valihanova>). Поэтому жыр, как мы сказали выше, и как древняя эпическая форма, и как стиховая структура самой песни стал отправной точкой, основным объектом наблюдений Ч.Ч. Валиханова, и это, на наш взгляд, имеет ценное значение для устной теории Пэрри-Лорда, для уяснения общих законов развития эпоса.

Методы и научно-теоретическая база исследования

Поскольку исследование устной эпической и народнопоэтической традиции кочевников способно пролить свет на многие проблемы, стоящие перед фольклористами, в большинстве своем обращенных лишь к своей национальной эпике и во всей своей полноте даже не представляющих, насколько может быть полезна и устная теория Пэрри-Лорда в сочетании с идеями Ч.Ч. Валиханова, нами предпринята попытка объединить достижения этих двух выдающихся школ, в совокупности решающих некоторые важные проблемы эпоса, такие, как изучение эпосогенеза, поэтической формы, роль формул в эпической традиции и ее значение для реконструк-

ции древнего языка и мифа и т.д. Ведь именно в силу специфики многовекового и непрерывного развития устная эпическая культура кочевников смогла сохранить важные закономерности, свойства и признаки мирового эпического развития, утраченных оседлыми народами в потоке истории. Метод устной теории Пэрри-Лорда, в особенности формульный стиль, устно-стилевая техника и формульная грамматика, как и целостный подход «изнутри самой традиции» Ч.Ч. Валиханова, – это, на наш взгляд, сегодня наиболее продуктивный путь для дисциплин, изучающих различные аспекты мировой фольклористики и эпосоведения, а также – для «осмысления и реконструкции духовного универсума кочевого общества» (От авторов, 1993: 5).

В казахском эпосоведении методы устной теории Пэрри-Лорда успешно используют Б.Ш. Абылкасимов, Ұ. Ақберді, Ж. Бектуров, Т. Есембеков, К. Жанабаев, Ш. Ибраев, С. Негимов.

Научно-теоретической базой настоящего исследования также послужили работы: а) казахстанских ученых: С. Акатаева, А. Аманжолова, М.О. Ауэзова, А. Жаксылыкова, А. Мухамбетовой, А. Наурзбаевой, О. Нурмагамбетовой;

б) российских ученых и ученых СНГ: Гринцера П., Гуры А., Жирмунского В., Мелетинского Е., Мальцева Г., Милевского Т., Ревуненковой Е.;

в) зарубежных, специалистов по устной теории: Arens W., Bailey J., Bascom W., Baumi F., Bridney D., Dundes A., Finnegan S., Foley J., Clifton A., Kongas E., Kunst T, Levinton G., Lord A.

Историко-генетический метод Ч.Ч. Валиханова, применяемый им в целях исследования такого уникального явления, как Степное знание, и в его системе – устной эпической культуры кочевников, – позволил осветить целый ряд теоретических проблем, имеющих актуальное значение и современного эпосоведения, и для самой устной теории Пэрри-Лорда. Только лишь один отрывок из «Манаса» вполне показывает, насколько ценен весь эпос как источник исследования истории, культуры, быта и мировоззрения киргизского народа.

Ч. Валиханов первым из современных ему ориенталистов также применил *сравнительно-сопоставительный метод* в изучении устной поэзии кочевников: «Склонность к поэзии, особенно к импровизации, отличает все кочевые расы, – начинает ученый. – Поэтический ум бедуинов и поэты-импровизаторы их хорошо знакомы европейцам... Такие же явления представляют и монголо-тюркские поколения...». Он сравнивает образ жизни степных кочевников разных ре-

гионов, указывая на причины такого сходства и касаясь характера влияния природы на человека (Валиханов Ч. https://shoqan.kz/incompleted/works_zametki_po_istorii/).

Большое место в наследии Ч.Ч. Валиханова занимают труды *сравнительно-типологического* характера. Устную традицию – эпос, фольклор и мифологию – он изучает не только на тюркоязычном материале, но с привлечением повествовательной традиции восточных и европейских народов. Убедительно в устах ученого звучит идея изучения истории и культуры народа через *живой* процесс. Вступая в полемику с исследователями, исходящими из наличия письменного факта, документа, подтверждающих историческую действительность устного сказания, ученый предлагает следующее: «Если поэтические сказания Гомера и предания, собранные по слухам Геродотом, имеют сколько-нибудь достоинство историческое, если всякое искаженное, баснословное предание имеет в основании своем происшествие и истину, то, нет сомнения, что положительные и последовательные сказания киргиз, их образ жизни, обычаи и нравы современные, отражающие быт их предков и *при сличении* во всем *согласные с историческими указаниями*, могут иметь значение *историческое*» (Валиханов, https://shoqan.kz/incompleted/works_zametki_po_istorii/). Опираясь на данные этнографии и фольклора, особенно на сказания народа, ученый утверждает, что они остаются тем источником, по которому возможна реконструкция событий и явлений исторической жизни народа. Здесь, как тонко и иронично подметил казахский культуролог М.М. Ауэзов, «все зависит от того, что именно мы высвобождаем из содержания эпоса (Ауэзов, 1993:38). Чем еще нам ценен такой целостный подход? Роль устного сказания кочевников-тюрков здесь особенно важна. Через анализ имен, фактов, событий, отраженных в поэтической речи, психологических, этнографических и иных особенностей мы пришли к пониманию, что традиционный устный текст с его основным лексико-семантическим составом, неизменной структурой, устойчивостью форм и формул, уникальными этнографическими, психологическими подробностями составляет особый интерес для устной теории. Целостный подход Ч.Ч. Валиханова дает нам видение и исследование предмета или явления, во-первых, в единстве формы и содержания, в слитности и неразрывности устной традиции, слова и музыки, а иногда и пантомимы (так называемый *синкретизм*); во-вторых – в их исто-

рической *последовательности*, преемственности, развитию и изменении в рамках структуры: учитель-ученик (атадан-балага): а в-третьих – в их утилитарном, общественно-полезном смысле, дидактико-назидательной функции (эстетической, этической, познавательной). При целостном анализе текста устной поэзии возникает потребность в структурно-семантическом методе, когда эпос, фрагмент эпоса или какая-либо часть его выступает в качестве семантически и функционально значимой единицы целого, как элемент всеобщего процесса порождения или исполнения эпического текста. Здесь может исследоваться и отдельный класс формально-структурных элементов, различные уровни, и какой-либо аспект устного сказания: звуковой повтор, лексические или синтаксические анафоры и т.п., влияющие на стиль и жанр устного высказывания.

В своей аргументации Ч. Валиханов исходит из взгляда изнутри самой традиции и таких важных признаков, как «*положительные и последовательные*» сказания, которые «*при сличении во всем согласные с историческими указаниями*», «могут иметь значение *историческое*». Рассмотрим такой признак народного эпоса, как «последовательные сказания». В отличие от всех европейских и большинства восточных оседлых народов, казахские кочевники сохранили непрерывную многовековую устную преемственность передачи информации. Это своеобразное Степное знание, устная традиция тысячелетий и это – коллективная память конкретных родов и племен о событиях именно *своих* предков и знающих именно *своих* героев, то есть *своего* рода и племени. Последовательность как термин заключается в том, что всех *своих* вождей, батыров и выдающихся акынов-исполнителей степняки знают не только до седьмого колена, о чем свидетельствуют их устные предания (шежіре) об истории родов и племен, которые безошибочно знает каждый взрослый человек и весь родовой (племенной) коллектив, но и гораздо дальше, по которому также безошибочно выстраивается и все могучее генеалогическое древо. Поэтому Ч.Ч. Валиханов пишет: о том, что нет сомнения в том, что эпос, устная традиция, фольклор и этнография могут представлять собой живой источник исследования. С. Акатаев именуется эту последовательность непрерывностью. «Эта непрерывность культуры, – пишет автор, – и в то же время ее закономерные процессы могут быть засвидетельствованы хронологической динамикой самих же источников (Акатаев С. 1993: 7).

Методологический принцип казахского учебного исходит из осознания им этой изначальной непрерывной традиции, специфической школы Степного знания. В глубокой древности оно выступало мифом-рассказом о тотеме-покровителе рода, а в процессе развития социально-исторической жизни вследствие демифологизации и десакрализации оно стало устной эпической традицией, сохранившей однако важные сакральные элементы (например, *культ предков*, *аруахов*, почитание огня и языческие обряды, следы тенгрианства и т.д.). Интеллектуальной частью этого грандиозного Степного знания стал устный степной эпос кочевников.

В «Формах казахской народной поэзии» Ч.Ч. Валиханов выявляет и другой важный признак, имеющий значение для нашего суждения – «положительные сказания», характеризуя их как:

а) устные поэтические произведения «чисто народного ума, обуславливающие чувствования, жизнь и прогресс *всей массы общества*» (Ч.Ч. Валиханов https://shoqan.kz/incompleted/works_zametki_po_istorii/).

б) произведения, «вылившееся из уст всего народа *как от лица одного существа*»;

в) как устные произведения, не лишённые исторического, филологического, психологического интереса, где вместо факта, письменного документа, выступает «вся масса общества», весь народ как «одно лицо», воссоздающее в эпосе всю свою историю и весь свой этнографический облик и грандиозное прошлое. Язык преданий, сохранивший этот фонд знаний, становится важным источником изучения исторической жизни рода и племени. Для казахского просветителя, изучающего фольклор и эпос, это не было удивлением. Оно было осознанно им как данность, осознано «изнутри традиции» как уникальное явление самобытной кочевой культуры.

Ч.Ч. Валиханов использовал и метод прямой записи. Непосредственно из уст исполнителей им были записаны такие ценные памятники казахской и кыргызской устной эпической культуры, как отрывок из Манаса «Смерть Кукетай хана и его поминки» и эпос «Козы-Корпеш и Баян Слы».

Его последователи, как М.О. Ауэзов, А.Х. Маргулан, А. Абылкасимов, С. Аджигалиев, А. Аманжолов, Р. Бердибаев, С. Негимов, Е. Турсунов, использовали и другие, различные методы, но основным был историко-генетический, позволивший проследить процессы возникновения, особенности формирования устных и музыкальных фольклорных явлений и выйти к глубоким

обобщениям, касающиеся разных аспектов казахской устно-поэтической культуры и Степного знания.

Большое значение для устной теории имеет и сравнительный метод, ставший теперь традиционным. Но и его впервые применил Ч.Ч. Валиханов еще в XIX веке. В то время компаративистика только еще зарождалась и не получила широкого развития.

Основные положения исследования и новизна:

1. Показать роль Ч.Ч. Валиханова как основоположника тюркского эпосоведения и научных методов в духе устной теории Пэрри-Лорда;

2. Исходя из критического обзора казахстанских и зарубежных исследований раскрыть научный талант Ч.Ч. Валиханова в предвидении им перспективных направлений в свете устной теории Пэрри-Лорда;

3. Исследовать своеобразие целостного подхода казахского ученого в изучении им тюркской устной эпикки как части великого Степного знания: древности поэтических форм и жанровых структур устного традиционного текста, основанных на преемственности, на традиции передачи непрерывного многовекового Степного знания, значимой частью которого была устная эпическая культура тюрков Южной Сибири, Центральной Азии, Крыма и Северного Кавказа. Она сохранилась в своей традиционной форме благодаря формульному стилю и устно-стилевой технике;

4. Раскрыть влияние научной методологии Ч.Ч. Валиханова на его последователей в сфере устной теории, исходящих из принципиальных установок устной теории Пэрри-Лорда;

5. Выявить перспективное значение идей Ч.Ч. Валиханова и Пэрри-Лорда для изучения казахского и мирового искусства слова.

Обсуждение

Как отмечают авторы предисловия к «The Singer of Tales» («Сказителю»): «Книга А.Б. Лорд... составила эпоху в истории изучения эпоса» (Лорд, https://vk.com/wall209887955_2131). Мы также не сомневаемся в установке М. Пэрри и А. Лорда, что «эпические формулы имеют мифологическое происхождение», и считаем, что это основной пункт америкаканских авторов, что он ими указан верно, в особенности, если изучать эту проблему на древнем казахском языковом материале, используя «взгляд изнутри самой традиции» и ценный метод Ч.Ч. Валиханова.

Нам ясно и то ценное значение, какое А. Лорд выводит о «профессии эпического сказителя и о вкладе, внесенном сказителем с «древнейших времен в духовное развитие человечества» (Лорд, https://vk.com/wall209887955_2131). Но казахские и кыргызские кочевые эпические певцы интересны нам не только с этой стороны. Их устные тексты «последовательны», имеют признак непрерывности, то есть они сохранили прямую связь со своими древними начальными основаниями: архаическим мифом, обрядом, ритуалом, и еще дальше и глубже – с невербальным способом объяснения мира и его структур, первой поэзией, если под поэзией понимать все, что было до мифа как целостной картины: суггестивную магию, мимесис, горловое, а затем и челюстное подражательное пение, вплоть до осмысления в раннем шаманизме других возможностей самовыражения (аллитерации и ассонанса), известных нам по древнетюркской и современной устной традиции алтайских, сибирских, тюрко-монгольских народов, сохранивших большой корпус архаических элементов. Сказанное напрямую относится к способности сохранять, использовать и передавать архаические приемы и средства устной техники, жанровые формы, а также формулы и формульные выражения, составляющие костяк формульного стиля, именуемого в устной теории «формульной грамматикой». Эти технические средства, в особенности формулы и формульные выражения, функционируют лишь в рамках стихотворного метра, например, жыра: вот пример его схемы: 1+3+3:

Маргаска жырау, XVII век

Хан емессің, қасқырсың,
Қара албасты басқырсын

(БГЖ, 1989:56).

Махамбет, XX век

Хан емессің, қасқырсың,
Қара албасты басқырсын

(БГЖ, 1989:181).

В настоящее время все формулы и формульные выражения устной поэзии жырау XV-XVIII веков зафиксированы и сгруппированы нами по признакам, свойствам и функциям. Составляется частотный Словарь формульных выражений эпического языка жырау. Теперь чрезвычайно важно исследовать именно мифологическую историю их происхождения и специфику их функционирования. Это важно для поиска их мифологического источника и уяснения законов устного порождения, исполнения и передачи эпического текста. Полагаем, что самый

начальный, невербальный, эпос был всеобщим космическим представлением, рассказом-мифом и учением всеобщего родства человека и сил природы, о чем пишут А.Ф. Лосев и Ю. Борев. Невербальный эпос – источник канонов, магических учений, вышедших из игры, мимесиса и имитации. Это время фиксирования первых учений, закрепления первых знаков и технических приемов: сложение архаических структур и элементов родового и племенного обряда и правил ритуала. В основе учения лежат различные виды повтора и кружение (вокруг костра, скалы, матери-березы как отображение всеобщего кружения звезд и солнца, времен года).

Ш. Ибраев в книге «Эпические формулы и поэтические средства «Китаби дедем Коркут», говоря о традиционной формульности языка как основном признаке эпоса, ссылается на В. Радлова, который запоминание и устную передачу героических сказаний объясняет наличием готовых традиционных языковых формул и различных повторов. Эта «идея более детально разрабатывалась американскими учеными М. Парри и его последователем А. Лордом, выдвинувшими ее в качестве теории (Ибраев, 1989, с.71).

Актуальный вопрос устной теории М. Парри и А. Лорда, вопрос о процессе исполнения. Здесь мы исходим из понимания среды, в которой действует исполнитель, творец текста. Кочевье – это то место, где царствует эпос. Эпос принадлежит всем, его знает абсолютное большинство. Само это большинство и есть музыкально-певческая среда – источник формирования исполнителя. И сам певец – структурный элемент этой среды-семиосферы, где все поют и играют, и исполняют эпос. Казахское кочевье середины XIX века, времени Ч.Ч. Валиханова – это особенная музыкально-поэтическая среда, которую без всякой идеализации можно обозначить *абсолютной*. Эта среда в действительности сформировалась с незапамятных времен и просуществовала до позднего средневековья и до начала XX века. На протяжении многих столетий она была могучей колыбелью музыкального и поэтического искусства кочевников, создавшей яркие и самобытные устные образцы эпоса, выдвинувшей блестящих исполнителей: поэтов и композиторов. Поэтому знаменитый путешественник-ориенталист, друг Ч.Ч. Валиханова, Г.Н. Потанин с восторгом заметил: «Вся степь поет!» и описал эту творческую среду: здесь все поют и играют: мальчики и девочки, юноши и девушки, взрослые женщины и мужчины, и все они знают и любят легенды, предания. Абсолютное большинство этих

любителей и исполнителей, включая мальчиков и девочек, запоминающих и повторяющих при каждом случае целые сюжеты, яркие фрагменты. Часто уже пробуют они себя в жестких поэтических спорах (айтысах), старательно учатся они у жырау, акынов и биев устному мастерству. Так среда создает себе подобного певца. Вот мудрый старый акын Аронулы Суюмбай, вступает в айтыс с шестилетним Жамбылом, благословляет его, дарит ему свой инструмент, желает ему напутствие в нелегком искусстве айтыскера.

Безусловно, среди исполнителей жыров, легенд, преданий и музыкальных пьес-кюев есть тот, кто выступает с большей или меньшей, чем у других степенью таланта, но здесь лишь народ выступает экспертом и лучшим знатоком традиционных тем и сюжетов, ценителем устойчивых оборотов, традиционных формул, ревнителем законов устно-стилевой техники. Народ помнит в стихах все события. Десятки и сотни событий и сюжетов держатся в голове талантливого жыршы, которого слушают в этой среде. Все события исполняются в форме жыра (7-8 слогов), скрепляются традиционными формулами или формульными выражениями. Благодаря этим формулам и повторам самых разных видов, они легко заучиваются в рамках того же жыра: 4+3, или: 1+3+3:

Есет би, 19 век

Мен, мен едім, *мен едім*,
Қатарға салсаң қайыспас
Қас қара нар *мен едім*...

(БҒЖ, 1989:167).

Махамбет, 19 век

Мен, мен едім, *мен едім*,
Мен Нарында жүргенде
Еңіреп жүрген *ер едім*...

(БҒЖ, 1989:191).

Все эти жыры и предания и по внешней форме, и по своему внутреннему устройству отправляют нас к единому архетипу-источнику: родовому тексту-обряду в честь духа-покровителя рода, канону. В традиционном казахском обществе они выступают в форме учения, завета, идущего от предков. Вот примерная структура такого канона жанра жұбату-утешения, где эпическая формула выступает тематическим центром и выполняет функцию рефрена:

Үмбетей жырау, 18 ғ.

Ей, Абылай, Абылай,
Сөзімді тыңда тағы да-ай!

Бұқар жырау, 18 ғ.

Қайғырмаңыз, ханзадам,
Келмей тұр ауызым айтарға,

Өзіңмен біраз жасы үлкен,
Дөмпеш таудай басы үлкен,
Жасында болған сырласың,
Үлкен де болса құрдасың.
Сексеннен аса бергенде

Батырың өтті Бөгембай!
Еңбек қылған ел үшін,
Жауда кеткен кек үшін,
Қазақтың абырой-арына
Сарып қылған бар күшін,

Қайрылмас қаза келгенде,
Батырың өлді – Бөгембай!
(БҒЖ, 1989:79).

Қайыры болсын халқыңа,
Сабыр қыл, ойлап келмесін,
Қарияң келіп жырлап тұр
Еңбегі сіңген ер үшін,
Батырың өтті Бөгембай...
(БҒЖ, 1989:100).

Эта устная эпическая речь изобилует большим разнообразием изобразительных и выразительных средств, богатством созвучий различного уровня, звукового повтора, различных видов анафор, аллитераций, ассонанса и т.д.), восходящих в своих генетических истоках к древней магии, посвятившему обряду в честь умершего предка (прежде тотема, потом – наделенного признаками идеализации и мифологизации вождя, а сейчас – героя эпоса). Эта устная речь исполнителя запоминается слушателем благодаря четкому ритму и эффекту созвучий, устойчивым формулам, формульным сочетаниям и повторам, исполняющим утилитарную (мнемотехническую) функцию. Всякий раз фиксируясь в памяти слушателя, традиционный жыр легко запоминается за счет регулярно воспроизводимых певцом равных ритмико-синтаксических отрезков:

Бұқар жырау, 18 ғ.
Бұл, бұл үйрек, бұл үйрек,
Бұл үйректей болыңыз...
(БҒЖ, 1989: 94).

Бұқар жырау, 18 ғ.
Бұл, бұл үйрек, бұл үйрек,
Бұрылып ұшар жаз күні...
(БҒЖ, 1989: 101).

Способствуют сильному воздействию на слушателя и риф, и глагольная рифма, и мономим, место которых всегда определено в конце стиха и всегда ожидаемо слушателем.

Фольклористы отметили, что во времена господства эпического искусства героических певцов жырау, то есть с середины XV до середины XVIII века большое место в Степном знании получили толгау, речитативное произнесение в форме философского или назидательно-дидактического размышления. Эти краткие по форме поэтические высказывания также сохранили стиховую форму древнего жыра: үндеу, өсиет, коштасу, бата, қарғыс и т.д. Но древний жыр, состоящий из семи-восьми слогов, столь необ-

ходимый для существования устной традиции и Степного знания, в зависимости от ударения и интонации, от целевой установки певца и жанровой природы проявляет и совершенно разную степень выразительности, от созерцательности и медитации до стремительной экспрессии:

Асан Қайғы, XV ғ., Махамбет, XIX ғ., боевая философская лирика
походная песнь

Таза мінсіз асыл тас
Су түбінде жатады,
Таза мінсіз асыл сөз
Ой түбінде жатады.
(ТМАТ, 2014:11)

Ереуіл атқа ер салмай,
Егеулі найза қолға алмай,
Еңқу-еңқу жер шалмай...
(БҒЖ, 1989:180).

Формулы и формульные сочетания несут в своих семантических ядрах подтексты, глубинные смыслы, концентрированное значение идеи и основательность, придающие всему устному высказыванию философский или патристический, героический характер. Например, в походной песне Махамбета, исследователь Жаксылыков отмечает признак экспрессии, многочисленные повторы, аллитерационную ритмику, мономимы, анафору, редифы, выразительно эстетизирующие «идею движения, наступления, атаки, бурного нашествия» (Жаксылыков, 2013: 241-312).

Вот почему, обращаясь всякий раз к устной практике, певец оттачивает при любой возможности свое мастерство. В конкурентной певческой среде он быстро привыкает к импровизации на заданную тему, а иногда и продумывая, и запоминая песню заранее перед предстоящей схваткой с другим акыном. Акыну важно овладеть поэтической формой, устной стилевой техникой, словесно-художественными средствами, темой, богатством и различными видами рифм. Вся эта, живущая в народе единым ритмом, могучая, полноводная масса историй, преданий, эпосов, лирических жанров и эпических мотивов составляет содержательный арсенал певца, его интеллектуальную мощь, его поэтический облик. Певец создает и исполняет эпическое сказание прошлого как достоверное повествование о своем племени, о предках, о народе. Выступая историческим знанием, его песнь воспроизводится в той неизменной форме, в какой ее пели его предки-сказителя, а у древних греков – даже боги, полубоги и герои, а у архаических тюрков – баксы и шаманы, ритуальные посредники.

В такой, абсолютно певческой, музыкально-словесной среде формируются разные типы но-

сителей казахской устно-поэтической культуры: жырау (создатели эпоса), акыны (акыны – лирические и исполнители демократической тематики), салы и сэри (лирические певцы театрального плана, эксцентрики). Это певцы представляют разные социальные группы и политический облик. Каждый из них имеет свой жанр и свой тематический репертуар. Но любой из этих исполнителей не сможет слагать, усваивать и передавать свои песни вне единой традиции, и ничего кроме степной поэтической традиции у них нет. К такому мнению, пишет А.Б. Лорд, пришел и М. Пэрри (Лорд, https://vk.com/wall209887955_2131).

«Еще изумительнее, – продолжает Ч.Ч. Валиханов, – что во всех *отдаленнейших концах степи*, особенно *стихотворные саги*, передаются *одинаково* и при сличении были буквально *тождественны*, как списки одной рукописи. Как ни странна кажется подобная невероятная точность изустных источников *кочевой, безграмотной орды*, тем не менее это *действительный факт*, не подлежащий сомнению» (Лорд А. https://vk.com/wall209887955_2131).

Здесь ценно мнение исследователя Ж.Ж. Бектурова, высказавшего глубокое суждение о том, что закреплению в тексте древних слов и образов способствовала прежде всего сама стихотворная форма произведений (очевидно действие т.н. «закона формульности», разработанного в трудах Парри и Лорда (Бектуров, 1989:48). Этот «действительный факт» мы и объясняем традицией и действием той устной техники, о которой писали М. Пэрри и А. Лорд. Весь процесс создания, исполнения и передачи устных эпических произведений есть традиция, устное искусство многовековой техники сказителей одной среды. Более талантливый стремится к конкуренции, к еще большему мастерству, к овладению еще большим арсеналом устно-стилевой эпической техники, к тому, чтобы его талант признал и утвердил главный эксперт, лучший знаток формы, содержания и техники – народ.

Еще одно важное условие для лучшего запоминания и лучшего исполнения устного поэтического текста: для всенародного признания акын должен участвовать в поэтических состязаниях, схватках-айтысах с акынами других родов всегда или почти всегда. Подобно батыру в битвах, в схватках акын создает себе имя, и потом многократно подтверждает свое право быть лучшим первым акыном (бас акын), поскольку в кочевье поют все, поскольку творит вся кочевая среда и акынов достаточно. Надо быть наилучшим в этой певческой среде: на больших сбори-

щах или во время праздников и родовых и племенных событий род выдвигает лучшего певца на схватку-айтыс с акыном другого рода или племени. И тут дело уже в чести самого акына, защищающего честь рода. Эта достаточно сильная мотивация для постоянного творческого самосовершенствования. Она играет основную роль в морально-психологической и интеллектуальной подготовке певца в условиях конкуренции среды. Отсюда постоянные упражнения в искусстве запоминания и цитирования.

Выводы и заключение

1. Роль Ч.Ч. Валиханова уже оценена тем вкладом, который он внес в эпосоведение. В его статьях мы все же находим ответы на такие вопросы устной теории М. Пэрри и А. Лорда, как вопрос об авторстве и исполнительстве, о народности эпоса, о природе и значении устно-стилевой техники и формульности поэзии и самое главное – о процессе и природе исполнительства. Эти ответы мы находим в следующих трудах казахского ученого: «О формах казахской народной поэзии», «Очерки Джунгарии», «Заметки по истории южносибирских племен», «Киргизское родословие», «Следы шаманства у киргизов».

2. Ч.Ч. Валиханов, хорошо зная тюркские языки, степную устную традицию и достижения современного ему классического востоковедения, впервые в науке использовал такой метод исследования, который мы обозначили как взгляд «изнутри самой традиции». Такой взгляд способствует более основательному и более эффективному изучению национальной специфики и структуры устного эпоса. Ч.Ч. Валиханов использовал и историко-этнографический, и сравнительно-исторический, и сравнительно-типологический методы, выступая в науке первым компаративистом и во многом предопределил направления современных наук. К тому времени компаративистика еще только зарождалась.

3. Казахский ученый исходит из специфики устного эпоса как значимой составной части древнего Степного знания. Из исследований ученого мы выводим, что эта устная эпическая культура тюрков сохранилась в своей чистой форме благодаря именно эпической среде, степному учительству, устному формульному стилю и устно-стилевой технике.

4. Перспективное значение идей Ч.Ч. Валиханова заключается в том, что его идеи не противоречат, а значительно дополняют и обогащают современную устную теорию американских

эпосоведов. В совокупности эти две методологии отвечают на вызовы современной критики и открывают новые направления исследований в сфере эпоса и фольклора, а в особенности в сфере генезиса форм, поиска общей родины мифа, эпоса и поэтического слова.

5. Из работ казахского ученого вытекает, что устное знание кочевников – это единая и целостная в своем развитии, всегда и повсеместно функционирующая музыкально-словесная традиция, во всех ее родах, видах и жанрах. Эта традиция сформирована древнейшей средой – основным условием становления певцов. Эта идеальная источник жизни степного эпоса, его зарождения,

пропевания, запоминания, передачи. Параллельно с процессом запоминания и заучивания в процессе практики от случая к случаю оттачивается и техника устного исполнения, обогащается комплекс устно-стилевых технических средств и приемов и «формульный язык».

6. Таким образом, первый казахский ученый-востоковед Чокан Валиханов внес неоценимый вклад в эпосоведение, в современную устную теорию. Его богатое научное и культурно-историческое наследие имеет непреходящее значение для тюркского и мирового эпосоведения, для духовного возрождения тюркоязычных народов.

Литература

- Абылкасимов Б.Ш. Стилистические приемы и средства в жанре толгау. В кн.: Жанр толгау в казахской устной поэзии. – Алма-Ата: Наука, 1984. – 120 с.
- Акатаев С. О специфике культуры кочевья. В книге «Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством». – Алматы: Гылым, 1993. – 364 с.
- Асан Қайғы. Таза мінсіз асыл сөз. Құрастырушы Е. Тұрсынов. – Алматы: Алматы кітап баспасы, 2014. – 112 бб.
- Ауэзов М.М. Эпикада: к проблеме единства миров кочевья и оседлости. В кн.: «Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством». – Алматы: Гылым, 1993. – 364 с.
- Бектуров Ж. К характеристике лексического и образно-семантического фонда памятников казахской поэзии XV-XVII веков. В кн.: Исследования по истории и семантике стиха. Сборник научных трудов (межведомственный). – Караганда: издательство КарГУ, 1989. – 120 с.
- Бес ғасыр жырайды / Құрастырушы М. Мағауин. – Алматы: Жазушы, 1989. – 384 бб.
- Валиханов Ч.Ч. Очерки Джунгарии. В кн.: Избранные произведения. – М.: Наука, 1986. – 416 с.
- Валиханов, Ч.Ч. О формах казахской народной поэзии. В кн.: Избранные произведения. – М.: Наука, 1986. – 416 с.
- Валиханов Ч.Ч. https://shoqan.kz/incompleted/works_zametki_po_istorii/
- Веселовский Н., <https://znaniya.com/task/31293246>
- Жаксылыков А. Художественный перевод и литературный процесс. – Алматы: Таңбалы, 2013. – 312 с.
- Жанабаев К., Акберды У. Поэтический Словарь языка жырау XV-XVIII веков: термины родства и социальная лексика. – Семей, 2017. – 288 с.
- Ибраев. Ш. Эпические формулы и поэтические средства «Китаби дедем Коркут». В кн.: Исследования по истории и семантике стиха. Сборник научных трудов (межведомственный). – Караганда: издательство КарГУ, 1989. – 120 с.
- Лорд А. https://vk.com/wall209887955_2131
- Мелетинский Е.М. Современные теории происхождения эпоса. В кн.: Происхождение героического эпоса: ранние формы и архаические памятники. – М.: Издательство восточной литературы, 1963. – 463 с.
- Наурызбаева А.Б. Жырау в коммуникативной стратосфере казахского традиционного общества: дискурс-анализ. Колл. монография: Жырау: статус, функции, культура, мировоззрение. – Семей, 2017. – 325 с.
- Негимов С. <https://cyberleninka.ru/article/n/folklornye-materialy-v-tvorchestve-ch-ch-valihanova>
- От авторов. Предисловие к книге «Кочевники. Эстетика: Познание мира традиционным казахским искусством». – Алматы: Гылым, 1993. – 364 с. Предисловие, https://vk.com/wall209887955_2131

References

- Abylkasimov B. Sh. (1984) Stilisticheskie priemy i sredstva v zhanre tolgau. V kn.: Zhanr tolgau v kazahskoj ustnoj poezii [Stylistic of the techniques and tools in the genre tolgau. in: tolgau genre in kazakh oral poetry]. Alma-ata: nauka, 120 p.
- Akataev S. (1993) O specifike kul'tury kochev'ja. V knige «Kochevniki. Jestetika: Poznanie mira tradicionnym kazahskim iskusstvom» [On the specifics of nomadic culture. In the book “Nomads. aesthetics: knowledge of the world by traditional kazakh art”]. Almaty: Gylym 364 p.
- Asan Kaygy (2014) Taza minsiz asyl soz. Kurastyrushy E. Tursynov [Pure perfect noble word. The Author is E. Tursunov]. Almaty: Almaty kitap publishing house, 112 pp.
- Auevov M. M. (1993) Enkidada: k probleme edinstva mirov kochev'ja i osedlosti. V kn.: «Kochevniki. Estetika: Poznanie mira tradicionnym kazahskim iskusstvom». [Encoded: the problem of the unity of the worlds nomadic and settled. in the book: “nomads. aesthetics: knowledge of the world by traditional kazakh art”]. – Almaty: Gylym, 364 p.

Zh. Bekturov (1989) K karakteristike leksicheskogo i obrazno-semanticheskogo fonda pamjatnikov kazahskoj poezii XV-XVII vekov. V kn.: Issledovanija po istorii i semantike stiha. Sbornik nauchnyh trudov (medzhuevdomstvennyj). [To characterize the lexical and figurative-semantic fund of monuments of kazakh poetry of the xv-xvii centuries. In the book: Studies in the history and semantics of the verse. Collection of scientific works (megavitamins)]. Karaganda: izdatel'stvo KarGU. 120 p.

Bes ghasyr zhyrlaydy (1989). Kurastirushi M. Magayn. [Five centuries sing. Compiled By M. Magauin]. Almaty: Zhazushy, 384 p.

Valihanov (1986) Ocherki Dzhungarii. V kn.: Izbrannye proizvedeniya [Essays of Dzungaria. In: Selected Works], Moscow: Nauka, 416 p.

Valikhanov, Ch. Ch. (1986) O formah kazahskoj narodnoj poezii. V kn.: Izbrannye proizvedeniya. [About the forms of Kazakh folk poetry. in: selected works, M.: Nauka, 416 p.

Ch. Ch.valikhanov. https://shoqan.kz/incompleted/works_zametki_po_istorii/

Veselovsky N., <https://znaniya.com/task/31293246>

Zhaksylykov A. (2013) Hudozhestvennyj perevod i literaturnyj process.[Artistic translation and literary process].Almaty: Tanbaly, 312 p.

Zhanabaev K., Akberdy U. (2017) Pojeticheskij Slovar' jazyka zhyrau XV-XVIII vekov: terminy rodstva i social'naja leksika.u. poetic dictionary of the zhyrau language of the xv-xviii centuries: kinship terms and social vocabulary. semej, 2017 288 p.

Ibraev. Sh. Epic formulas and poetic means "Kitabi dedem Korkut". In: Studies in the History and semantics of Verse. Collection of scientific works (megavitamins). Karaganda: KarSU Publishing House, 1989. 120 p.

Lord A. https://vk.com/wall209887955_2131

Meletinsky E. M. (1963) Sovremennye teorii proishozhdeniya jeposa. V kn.: Proishozhdenie geroicheskogo jeposa: rannie formy i arhaicheskie pamjatniki. [Modern theories of the origin of the epic. In the book: The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments]. Moscow: Publishing House of Oriental Literature, 463 p.

Naurzbaeva A.B. (2017) Zhyrau v kommunikativnoj stratosfere kazahskogo tradicionnogo obshhestva: diskurs-analiz. Koll. monografija: Zhyrau: status, funkcii, kul'tura, mirovozzrenie. [Zhyrau in the communicative stratosphere of the kazakh traditional society: discourse analysis. coll. monograph: zhyrau: status, Functions, culture, worldview]. Semey, 325 p.

Negimov S. <https://cyberleninka.ru/article/n/folklornye-materialy-v-tvorchestve-ch-ch-valihanova>

Ot avtorov. (1993) Predislovie k knige «Kochevniki. Jestetika: Poznanie mira tradicionnym kazahskim iskusstvom». [From The authors. Preface to The book "Nomads. aesthetics:

Preface, https://vk.com/wall209887955_2131